Автор: admin
28.05.2012 10:46 -

Всегда ль грешно слегка пошарлатанить? О психосоматике

В этих история – чистая правда, одна только правда, ничего, кроме правды!
Клянусь на атласе Синельникова.

История первая

Одной из наших больных требовались очень непростые процедуры при перевязках, которые можно было выполнить только в оборудованной перевязочной.
Проблема заключалась в том, что привести ее туда не было никакой возможности: уже на пороге у несчастной начиналась неукротимая рвота. Больная спокойно переносила любые манипуляции в палате, но там это просто технически было невозможно.

Чего только не давали страдалице, как только не мудрили – без толку. Возникла мысль об истерии или чем-то подобном. В наше время, с теми средствами, которыми располагает сейчас медицина, проблемы бы просто не возникло, но тогда, лет двадцать назад...

Я напустил на себя самый серьезный вид и пузом и бородой вперед возник в палате. Тщательно расспросил больную, с ангельским терпением выслушал и «записал» все ее жалобы, включая жалобы на детей, свекровь и больничное питание, кивал мудро и сочувственно, вздыхал (и думал про себя: когда же черт возьмет тебя). Муки мои окупились сторицей. Больная сказала, что все неприятности у нее от какой-то ужасно вонючей желтой жидкости.
Поскольку все известные мне «желтые жидкости» в перевязочной не пахли ничем, все стало ясно. Главное, что стало ясно, как горе одолеть!

Моментально погрузившись в ужасно глубокие размышления, полуприкрыв глаза и отрешившись от всего суетно-мирского, после чего изобразив прозрение и озарение и возвестив: «Вас может спасти только ЭТО! Только минуту подождите, я приготовлю ВСЕ ЧТО НАДО!», – будущий спаситель пошел обедать.

Через полчасика, когда бедолага уже вконец измучилась тревогой и надеждой, пузато-бородатый исцелитель материализовался у её ложа.
– Тут у меня экспериментальный секретный противорвотный препарат. Но сначала нам

надо удостовериться, что именно эта желтая субстанция индуцирует активизацию рвотного рефлекса гипоталамуса Вашего гиппокампуса.
И сунул ей под нос ватку, смоченную обычным фурацилином, запаха напрочь не имеющим.
Успел увернуться, оберегая чистоту своих одежд, и с воплем: «Нюхайте ЭТО быстрее!» – поднес к её лицу салфетку, щедро смоченную противоядием.
На измученном челе проступило блаженство...

Дальнейшее банально.
Перед каждой перевязкой женщина заходила ко мне в ординаторскую, где я доставал из снабженного солидным замком шкафа таинственный флакон с иностранными надписями, орошал им хирургическую салфетку и с неизменным напутствием «Быстрее, пока не выветрилось!» отправлял пациентку на перевязку.
Скоро она пошла на поправку и выписалась.

Попробуйте сказать, что водопроводная вода не обладает чудодейственными свойствами!

История вторая

Поликлиника. Хирургический кабинет.

Строго по Жванецкому: «В государственное учреждение – только боком», в кабинет проникает Женщина.
Описать её могучее великолепие мог бы только бессмертный покойный Рабле.

Дама в панике. У нее трагедия: дома она села на иголку и та коварно проникла в необъятность ныне страждущих телес. И сейчас она бродит по телу и вот-вот дойдет до сердца, и все... конец!
Дама и весь маленький кабинет сотрясаются от рыданий:
– Доктор, спасите!
(Следуют все полагающиеся в таких случаях обещания.)

Осмотрев место трагедии, обнаруживаю красную точку – входное отверстие от поразившего несчастную смертоносного снаряда.

– Вырежьте её, Христа ради! Вот она... вот... вот... (Хватается руками за разные части своего тела, весьма удаленные от зоны поражения.) Вот, она здесь, а щас здесь! Спааасиииитеееее!

Мне стало по-настоящему страшно: дама стремительно приближается к инфаркту, а вытащить её из кабинета можно будет только по частям – утративши тонус, организм в дверь не пролезет ни флангом, ни фронтом. Пропал я, горемычный.

Издаю вопль, на пару децибел перекрывающий истерику:
– Тихо! Не орать! Не мешайте думать! (Ох, мне бы маузер, как у Петьки...)
Расскажите толком: как ЭТО случилось, что шили, какая иголка? Подробно излагайте!

В таких случаях больные обрушивают на врача кучу ненужных подробностей и семейных тайн, включая цену купленного по блату паласа. Обычно это страшно мешает, но сейчас именно одна «второстепенность» мне очень нужна. Дама выдает её в мельчайших деталях

– Евдокия Федоровна (это я к медсестре), слушайте внимательно: дело срочное, времени на подготовку к операции у нас в обрез!
Умница Евдокия Федоровна обратилась в слух – она сразу всё поняла.

– Вот бумага, идите на рентген, пропустят без очереди. И бегом назад!
Пока дама проникала в дверной проем, дозвонился к рентгенологу:
– Николай Евгеньевич, дорогой, к тебе идет дама в крайне тяжелом состоянии, с опасной травмой: иголка в мускулус глютеус максимус. Пропусти ее без очереди – век должен буду.
Дама это слышит, и с красного от натуги лица сползает тень инфаркта.
В освободившуюся дверь устремляется Евдокия Федоровна. Все теперь зависит от неё. С богом, голубушка!

Через полчаса дама возвращается со снимком.
В самой середине филейной части – а-ля мечта людоеда – иголка, нормальная швейная иголка.
– Ой, вот она! А щас здеся! Ой, уже сссюда пришла!

– Стоп! А где я её ловить буду, где резать-то?
– Тут!
Жест можно бы счесть неприличным при менее драматических обстоятельствах, но я возношу хвалу творцу женской логики.
– Ложись!

У сестры все готово.
Тщательно обрабатываю операционное поле, обкладываюсь стерильным бельем, делаю местную анестезию и решительно вонзаю скальпель. Миллиметра на полтора-два, но широко, с размахом.
Потекла кровища, дама окаменела.
Долго и нудно ковыряюсь...
Зубчато-лапчатым пинцетом впиваюсь в могучие телеса за пределами анестезированной зоны.
Отчаянный визг дамы перекрываю своим, торжествующим:
– Вот она, подлая!
Окровавленная игла звонко падает в лоток.
Останавливаю кровотечение – щелкая в воздухе зажимом.
Спасенная сползает со стола и после обычных церемоний удаляется в прекрасное Далеко.

Мы переводим дух.
Когда ушел последний больной, Евдокия Федоровна сготовила чайку с какими-то своими вкусностями.
– Какое все-таки счастье, что других иголок почти и нет в наших магазинах, – говорит она на прощание.
– Да, это такое счастье.

История третья

Был у нас один хирург, Вася. Хирург – так себе, но психолог – тончайший.
Его ставили обычно на небольшие операции типа биопсий, удаления разных маленьких опухолей и тому подобного, что, как правило, делают под местной анестезией. Вася и делал.

Когда очередная жертва васиного рукодействия начинала очень уж противно верещать, Вася возглашал:
– Нина (Лена, Таня, Маня), что вы мне опять подсунули?!
Немедленно: японскую иглу и французский новокаин!
Как это «нету»? Как это – дефицит?

Несите сюда, под мою ответственность!

Верещание прекращалось. В строгой, как в кино, тишине операция завершалась. Пациент смотрел с неизъяснимой благодарностью на закрытую маской благородную Васину физиономию...

К чему рассказаны эти такие разные правдивые истории и что их объединяет?
Реальная и очень наглядная связь состояния тела и духа.
Мнимый запах – и вполне реальная рвота, крохотная иголочка в безопаснейшем месте организма и эмоциональная буря, реально угрожающая жизни. Острая боль и блаженство от успокоения.
Реальная боль от действий хирурга-неумехи проходит от уверенности в замечательных свойствах заграничных иголок...

Несть числа таким случаям. А самое главное, нет числа истинным страдальцам от мнимых вполне реальных напастей – жертвам неправильных отношений Души и Тела. А «по-научному» – психосоматических нарушений.

Автор - **Аркадий Голод**
Источник